

Беляева, Е. В. Прикладная социология и прикладная этика: соотношение ценностей / Е. В. Беляева // Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра. Ведомости прикладной этики. Вып. 50 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. – С. 206–214. – 0,5 а. л.

Беляева Е. В.

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: СООТНОШЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 168.53; 316(075.8)

Аннотация: Стремление к научной достоверности как этическая позиция в социологических исследованиях не препятствует их аксиологическому характеру. Исследования в социологии морали и в социологии труда не только исходят из определенных матриц нравственных ценностей, но и имеют нравственные последствия. Прикладное социологическое исследование является и этико-прикладным.

Ключевые слова: прикладная этика, прикладная социология, ценности.

Автор: Беляева Елена Валериевна, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет (БГУ)

The title: Applied sociology and applied ethics: relationship of values.

Abstract: Striving for scientific certainty as an ethical position in sociological research does not prevent their axiological character. Studies in the sociology of morality and in the sociology of job not only come from certain matrices of moral values, but also have moral consequences. Applied sociological research is also ethical-applied.

Key words: Applied ethics, applied sociology, values

Author: Belyaeva Elena, Candidate of sciences (PhD) in Philosophy, Belarusian State University

«Прикладнизация», которая охватила все сферы научного знания, свидетельствует о существенном изменении не только социальной роли науки, но и ее гносеологической природы. Наука как чистый поиск объективной истины все более уступает поиску знания-в-применении. В многообразии возможных направлений развития исследований избираются те, которые имеют конкретные технологические приложения. Несмотря на то, что можно найти реальное применение всякому научному открытию, сейчас теоретические поиски уже заранее ведутся в той области, в которой практический выход наиболее очевиден или желателен. Как пишет В. С. Стёпин, с вступлением научного знания в постнеклассическую стадию развития, ценностные ориентации субъекта познания внедряются в методологию научного исследования. Научная рациональность «рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями [6, 282]. Создается впечатление, что

среди множества причинно-следственных взаимосвязей и закономерностей природы мы познаем ровно те, в которых заинтересованы. В результате наша научная картина мира не столько отражает действительные иерархии, последовательности, способы взаимодействия, сколько «вырезает» из природных взаимосвязей ровно те, которые соответствуют предпочтениям человеческих сообществ, так или иначе организовавших свою жизнь. «Объективно истинное объяснение и описание применительно к “человекообразным” объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений» [6, 289]. При этом вопрос о том, какие именно это факторы, обсуждается далеко не всегда.

Когда говорится о внедрении ценностных ориентаций в установки современного научного знания, подспудно подразумевается, что «ценность» – это нечто хорошее, нравственное и прекрасное. В то время как в самом определении понятия «ценность» (цена, стоимость, важность, значение [5]) этой идеи вовсе не содержится. Выбирая в качестве ценностной ориентации технический прогресс, общество потребления, величие державы, мы получаем вполне объективное знание о происходящем, но «происходит» в этом контексте ровно то, что мы выделили в мире своим ценностным (и не всегда годным) инструментом. Поэтому когда В. С. Стёпин пишет: «современная наука при изучении сложных человекообразных систем соединяет поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска» [6, 295], – это скорее желаемое, чем действительное. Постнеклассическая наука действительно включила ценности в состав своих методологических ориентаций, отрекаясь от идеалов чисто объективного знания, но не слишком заботясь о нравственности избираемых предпочтений. В результате в общественном мнении пиетет к научному высказыванию как носителю истины сменился анекдотами о «британских ученых». Что же касается «наук о культуре», то, несмотря на все усилия по обоснованию собственного научного статуса, их ангажированный характер уже не скрывается самими исследователями. И пристрастность эта чаще всего носит политико-экономический, а не этический характер.

Постнеклассическое состояние науки отличается также ростом междисциплинарных исследований, в которых обнаруживается различие ценностных предпочтений различных дисциплин, хотя их борьба часто остается латентной и не отрефлексированной. Это ощущается даже в смежных гуманитарных дисциплинах, в частности, во взаимоотношениях этики и социологии, и в особенности при их переходе к состоянию прикладной этики и прикладной социологии.

«Прикладное социологическое исследование в самом общем виде можно определить как систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных единой целью – получение *достоверных данных* об изучаемом явлении или процессе для *использования* этих данных в практике социального управления». [3, 13]. В данном определении справедливо

подчеркнуты два аспекта: достоверность знания и изначальная ориентация на применение этих знаний. Каждый из этих двух аспектов деятельности социолога имеет аксиологическую проекцию: есть ценности социологии как науки (объективность, достоверность) и ценности социологии как социального инструмента (способность упорядочивать общественную жизнь, указывать обществу на конструктивные и деструктивные тенденции в его развитии). Обе группы ценностей, так или иначе, подлежат проверке на нравственность, так как их «доброта» вовсе не очевидна.

Функционирование социологии как инструмента преобразования социальной реальности создает проблемы этического характера, касающиеся того, каким образом могут прийти в гармонию достоверность, с одной стороны, и заинтересованность тех, кто занимается социальным управлением, с другой. У прикладных социологических исследований неизменно есть заказчик, который и планирует, какого рода данные будут получены и для чего они будут использованы. Даже при самом широком понимании заказчика, руководствующегося «общественными интересами», для практикующего социолога возникает ряд нравственных проблем, которые должны разрешаться на базе нравственных ценностей. Социологи давно сформировали свой профессиональный кодекс, осознав свою моральную ответственность перед всеми теми, кого они вовлекают в сферу своей деятельности: респондентами, заказчиками, коллегами и обществом в целом.

В этой точке прикладная социология переходит в прикладную этику социолога, уточняя тот список нравственных ценностей и их иерархию, которая будет реализована в каждом конкретном случае. Потребность в этической экспертизе прикладных социологических исследований осознается не многими учеными. Само понятие «этическая экспертиза» применяется только применительно к социологическим исследованиям в области биомедицины. В остальных разделах социологии задачи нравственного регулирования возлагаются на самого исследователя, который, руководствуясь профессиональным кодексом и собственными моральными убеждениями, способен предотвратить негативные нравственные процессы в ходе своей работы. Между тем, если одно из отличий прикладной этики от фундаментальной состоит в ее ситуативном характере, то к участию в обсуждении нравственного статуса происходящего должны привлекаться все участники ситуации. И если ни респонденты, ни общество в целом не могут напрямую участвовать в такой дискуссии, то может участвовать тот, кто смотрит на вещи с их позиции. Более того, такой прикладной этический анализ программы исследования мог бы не препятствовать, а способствовать его эффективности, налаживанию морального взаимопонимания с той социальной группой, которая подлежит изучению. При этом ценности прикладной этики социолога нисколько не противоречили бы ценностям его познавательной деятельности.

Собственной ценностью социологии является убеждение в научном статусе своего знания, аксиологическая установка социолога изначальна

состоит в том, чтобы познать социальную реальность «как она есть», отразить действительные связи и закономерности в ткани социальной реальности. Любое привнесение пристрастий социолога (в том числе и его моральных предпочтений) в предпосылки исследования рассматривается как недопустимое. Со времен М. Вебера большинство социологов занимают позицию так называемой «value-free» (безоценочной) социологии. Проводя исследование, ученый не должен ни исходить из собственных нравственных убеждений, ни пытаться внедрить их в исследуемый объект (при включенном наблюдении или иным способом). Однако полемика о том, в какой мере социология должна (или может) быть свободна от произвольных ценностных ориентаций, продолжается и в XXI веке. Поэтому беспристрастность социологического знания не является его автоматическим свойством, но возникает в результате определенной этической позицией ученого и специальной проработки инструментария исследования. В статье «Анти-минотавр: миф о социологической нравственности» Б. Кэмпбелл настаивает на том, что «практика безоценочной социологии является этически обязательной, если мы хотим быть честными с нашей аудиторией и если мы хотим выполнить свое призвание как социологи» [9, 443]. Люди, которые привносят чуждые социологии ценности внутрь исследования, представляются автору циничными, не относящимися к профессии серьезно. «Те, кто использует свое положение социологов для проведения социальных реформ и других политических целей, так же, как и те, кто преследует эгоистические интересы, не считают свою работу ценной самой по себе. Они не относятся к социологии с серьезностью, и, как бы идеалистически они ни относились к другим своим целям, они не выполняют свое призвание как социологи» [9, 451]. В идеале даже в области социологии морали исследователя «не будет занимать ни обоснованность, ни разумность, ни правдивость нравственных убеждений, ни вопрос о том, есть ли хоть какой-то смысл в том, чтобы занимать здравомыслие, действительность, разумность или истину моральных убеждений. На мой взгляд, можно отстаивать и желательно сохранить логическое различие между проектом социологии морали и проектами публичной, нормативной и моральной философии», – считает другой сторонник безоценочной социологии Габриэль Абенд [8, 120].

Данной точке зрения противостоит позиция тех, кто полагает, что в социологическом исследовании факты и ценности неразделимы, так как формирование любого социологического «факта» опирается на исходное ценностное представление о социальной действительности. «Сферы фактов и ценностей, – пишет Филипп Горски, – не так уж изолированы друг от друга. Часто факты сами по себе являются “ценностно нагруженными”. Более того, проблема их смешения выходит далеко за рамки хорошо изученной проблемы “предвзятости”. Реже замечается, и решающим для настоящего рассуждения является то, что ценности являются фактами. Другими словами, наши ценности имеют эмпирическую основу. А это значит, что они принципиально открыты для эмпирического исследования. Объектом этих

исследований является срединное царство моральных фактов, расположенных где-то между царствами факта и ценности, независимой территорией, содержащей открываемые истины о хорошей жизни и хорошем обществе» [10, 543].

Понимание ценностей как фактов социальной действительности в особенности присуще социологии морали. Любое исследование «реального состояния нравов» предполагает не только изначальное составление матрицы норм и ценностей, которые и будут разыскиваться в отношениях между людьми, но и теоретическое представление о природе морали, позволяющее эксплицировать ее социальное функционирование. Именно этика указывает социологии, что какую «нравственную реальность» она увидит. Так на основе теории справедливости Дж. Ролза и на основе этики утилитаризма будут исследоваться разные моральные чувства, добродетели и нравственные отношения. Авторы статьи «Новая социология морали» С. Хитлин и С. Вэйзи отмечают, что в прикладных исследованиях термин «мораль» используется в различных смыслах: универсальном и формальном; насыщенном (thick) и ненасыщенном (thin) [12]. В русскоязычной традиции принято говорить о субстанционалистском и функционалистском подходе к пониманию сущности морали [1, 61]. Современные социологи сетуют на то, что им зачастую приходится опираться на устаревшие, непригодные теории морали и пребывают в поиске таких, которые были бы функциональны для исследователя. «Для того, чтобы социология могла улучшить свое понимание морали, нужны более совершенные концептуальные, гносеологические и методологические основы» [8, 118].

Определившись с пониманием сущности морали, прикладное социологическое исследование переходит к подбору социологического инструментария для ее изучения. На этом этапе задачей социолога является формирование понятийной матрицы, с помощью которой будут «схватываться» нравственные феномены и процессы. Эти понятия принадлежат самой морали и неизбежно имеют аксиологическое наполнение. Так, например, в советской и постсоветской социологии морали доминируют исследования именно ценностных ориентаций. В духе рационалистической стратегии мораль понимается как сознательная реализация нравственных установок. В то время как американская традиция социологии морали сближается с этологическими, психологическими и даже нейрофизиологическими исследованиями. Изучаются моральные эмоции и моральная идентичность, которая формируется в их контексте [12].

Характерным является сам список тех моральных феноменов, к которым обращаются исследователи. В последнее время к ним чаще всего относят альтруизм и социальную солидарность [16], доверие [7; 15], справедливость [13], ответственность [2]. Между тем сам этот список является результатом ценностных предпочтений исследователей, на основе которых и формируется понятийно-категориальный аппарат социологии морали. Ведь ничто не мешает переносу внимания на не менее значимые нравственные явления: заботы, взаимопомощи, любви, — однако они

остаются в тени. Таким образом, в основе социологических исследований лежит не только определенная теория морали, но и совокупность тех нравственных ценностей, которые представляются исследователями наиболее важными в общественной действительности.

В других отраслях социологии аксиологические аспекты исследования не всегда эксплицируются, но в силу всепроницающего характера нравственных отношений понимание позитивных и негативных тенденций изучаемого социального процесса зависит от нравственных приоритетов исследователя.

Например, социология труда опирается на определенные представления о природе морали, ее исторических типах, о специфике моральной мотивации. На этой основе социология исследует нравственное отношение к труду, трудолюбие и его конкретные модификации с целью выяснить роль этого фактора в процессе труда и в социальных процессах в целом. Взаимосвязь трудовой деятельности с нравственными ценностями проявляется несколькими способами, каждый из которых имеет значение для прикладной социологии.

Во-первых, этика традиционно провозглашает ценность труда, которому приписывается моральное значение, высший смысл; включает нравственное отношение к труду в список фундаментальных моральных ценностей. В этом контексте историческая динамика социума может оцениваться как нравственно позитивная (когда в обществе повышается значимость работы, популярна трудовая этика, моральные мотивы труда занимают значимое место) или нравственно негативная (когда ценность труда падает или мотивы труда утрачивают моральный аспект). Поэтому работа и отношения людей с ней оцениваются в социологии системно, с позиции устойчивости, развития и процветания социума, т. е. с позиции общественного блага, которое изначально является этической категорией.

Во-вторых, в социологии труда речь идет о «трудовых ценностях», т. е. о тех аспектах труда, которые представляются работнику наиболее значимыми и выступают мотивами его трудовой деятельности. Социологические схемы мотивации трудового поведения имеют явную этическую подоплёку. Советская социология противопоставляла «личный интерес» и «материальные мотивы» труда «общественным интересам» и «духовным мотивам», полагая первые безнравственными, а вторые – социально одобряемыми. В современной литературе устоявшимся является разделение мотивов на “внутренние” (самореализация, результаты труда или интересная работа) и “внешние”, связанные с личными интересами работника или его семьи (величина заработка, хорошие условия труда, минимизация трудовых усилий) [4, 516]. Прагматизация мотивов, выдвижение на передний план таких факторов как борьба за выживание, страх перед безработицей, свидетельствует о чисто инструментальном отношении к труду как источнику средств к существованию. Такая ситуация не позволяет человеку реализовывать на работе свои нравственные потребности, без удовлетворения которых трудовая сфера социума лишается

нравственного содержания и, соответственно, воспринимается людьми как сфера «безнравственности». Поэтому все предлагаемые социологией классификации трудовых ценностей подспудно содержат и этические оценки.

В-третьих, в социологии труда речь идет о «трудовой этике», которая рассматривает роль специфических нравственных ценностей в трудовом поведении, и наоборот – роль труда в добродетельном образе жизни, а также изменения типа трудовой этики в связи с динамикой социума. Принимая во внимание современные дискуссии по прикладной этике, в которых главное место занимает вопрос об особенностях трудовых ценностей различных профессий, прикладная социология анализирует не только «арочную» трудовую этику каждого общества, но и влияние конкретных профессиональных этических норм и корпоративных моральных кодексов на исполнение людьми трудовых функций. Так в оценке значимости работы в целом, и в вопросах мотивации труда, и в вопросе о типах трудовой этики социология опирается на определенные нравственные ценности.

Кроме того, прикладная социология, ощущая себя не только исследовательской дисциплиной, но и практической участницей общественной жизни, сближается с прикладной этикой в своих ценностных убеждениях. Как прикладная этика стремится не просто предписать нравственные нормы людям, занятым некоторой деятельностью, но и фактически преобразовать связанные с ней ситуации в направлении добра, так и социология, оставаясь в границах научной достоверности, не может быть равнодушной к границам добра и зла в общественной жизни. Неизбежно изменяя социальную действительность, она все более хотела бы оказывать положительное, а не скандальное или развращающее влияние. Даже сторонник безоценочной социологии Г. Абенд пишет: «Я бы сказал, что профессиональная компетентность социолога (знание соответствующих социальных фактов, знание различных теоретических связей фактов, осведомленность о культурных вариациях, аналитические способности и т. д.) увеличивает вероятность того, что он является ценным участником рациональной дискуссии о том, как мы должны жить вместе» [8, 120]. Аналогичное мнение высказал Т. А. Хечтман, выступая на 12-ом конгрессе европейской социологической ассоциации в 2015 г., заявив о необходимости развивать идею «морального фронеизиса» в качестве руководства для моральной жизни, основанного практической мудрости. «Мы настаиваем, что конечной целью социологии является принятие нравственных позиций в конкретных ситуациях» [11, 1681].

Итак, в междисциплинарном взаимодействии прикладной социологии и прикладной этики две дисциплины способны согласовать свои ценностные установки. Стремление к достоверности и беспристрастности как этическая позиция в социологических исследованиях не препятствует рефлексивному освоению теорий морали и построению на их основе тех ценностных матриц, с помощью которых только и возможно уловить моральные феномены в сети научного знания. После чего даже не ангажированный социологический

анализ реального состояния нравов неизбежно приводит к аксиологическим выводам относительно того, в каком состоянии находится общество и какие тенденции развития являются для него предпочтительными. Социология как инструмент социального управления призвана давать советы по улучшению общества, критерии же этого улучшения находятся в сфере этики. Настоящее прикладное социологическое исследование является и этико-прикладным.

Список литературы

1. Апресян, Р. Г. Понятие общественной морали. Послесловие к дискуссии / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 60–72.
2. Безрукова О.А. Основания социологии ответственности в рамках этики и общей социологии морали // Экономика, социология и право. 2014. № 4. с. 124–127.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы : интерактивн. учеб. пособие. М. : Институт социологии РАН, 2012. 404 с.
4. Магун, В. С., Монусова Г. А. Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Апрельская междунаро. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. / отв. ред. Е. Ясин. М., 2014. Кн. 3. С. 516–526.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М : Мир, 2012. 1375 с.
6. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : Мир, 2009. С. 249–295.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ ; Ермак, 2004. 730 с.
8. Abend G. Two main problems in the sociology of morality // Theory and Society. 2008. Volume 37. Issue 2. P. 87–125.
9. Campbell B. Anti-Minotaur: the myth of a sociological morality // Society, 2014 Volume 51, Issue 5, P. 443–451.
10. Gorski P. S. Beyond the Fact/Value Distinction: Ethical Naturalism and the Social Sciences, Society, 2013, 543–553.
11. Hechtman T. A. Sociological Morality: The Search for Moral Phronesis // Differences, Inequalities and Sociological Imagination. ESA 12th Conference. Abstract Book. Prague. 2015. p. 1681.
12. Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality // Annual rev. of sociology. – Palo Alto (CA). 2013. Vol. 39, N 1. P. 51–68.
13. Liebig S. Sauer C. Sociology of Justice // Handbook of Social Justice Theory and Research / ed. by C. Sabbagh, M. Schmitt. New York: Springer Science + Business Mediapp. 2016. p. 37–59.
14. Stets J. E., Carter M. J. A Theory of the Self for the Sociology of Morality // American Sociological Review. 2012. 77(1). P. 120–140.

15. Sztompka P. *Trust: a sociological theory*. Cambridge. Cambridge University Press. 1999. 214 p.
16. *The Palgrave Handbook of Altruism, Morality, and Social Solidarity* / ed. by V. Jeffries. N. Y. : Palgrave Macmillan. 2014. 424 p.